

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

Архитектоника русской идеи

Архитектоника русской идеи обладает существенным внутренним драматизмом, не столь выраженным в её метафизике. Если бы мы полностью отключили критический взгляд на тотальную приложимость ницшевской символики дионисизма и аполлонизма, то можно было бы сказать, что в первой остаётся много от диссонантного Диониса, тогда как во второй всецело царит гармония Аполлона. На абсолютных вершинах стираются и отпадают строительные конструкции, словно их и не было – в зыбких и топких низинах существования они складываются с циклопическим трудом.

Ключевые слова: почвенничество – универсализм – христоцентризм – самопознание – проблематизм – софийные вершины.

*«Лучист дворец небес – но он из тяжких плит!»
Бальмонт*

*«Хорошо созерцать птицу – но каково быть ею!»
Шопенгауэр*

О русской идее уже не первое столетие идут споры. Говоря о её метафизике на первом Большом философском собрании в конце 2022 года и опубликовав этот материал позапрошлым летом в Крымском сборнике памяти Дарьи Дугиной [4, с. 45 – 51], мы указывали на авторство словосочетания «русская идея», принадлежащее Вяч. Иванову – этот тезис требует определённой коррекции, однако не сущностной, а фактологической. По нашему

убеждению, действительно, именно Вяч. Иванов впервые поднимает данный словесный образ на подобающую метафизическую высоту духовного символизма. Однако до него это словосочетание уже встречается у Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва, на которых обычно ссылаются куда чаще – на чём и мы остановимся здесь ниже, показывая определённый спектр метафизической неадекватности, которым и по сей день обусловлено много

довлеющей мути. У Достоевского, при всём его глубоком мистическом русофильстве, очевидно, пребывающего, говоря словами О. Шпенглера, «под духовным очарованием фаустовской цивилизации» и почитающего Европу «очень дорогим кладбищем», бывшим некогда, согласно хомяковскому стиху, «страною святых чудес», в содержательном контенте «русской идеи» прослушиваются парадоксальное совмещение почвеннического локализма с многовековыми универсалистскими притязаниями западного мира, выходящего за свои географические пределы: с одной стороны, он указывает, что «мы не Европа» и «не сделались европейцами» – с другой же, особо подчёркивает, что мы «не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества»; более того, для него «русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа».

Достоевский в самих ультразападных «новых идеях» видит «явления и признаки того огромного переворота, которому предстоит совершиться мирно и согласно во всем нашем отечестве, хотя он и равносителен, по значению своему, всем важнейшим событиям нашей истории и даже самой реформе Петра». Речь идёт о «примирении цивилизации с народным началом»: «распространение образования усиленное, скорейшее и во что бы то ни стало — вот главная задача нашего времени» [3, с. 5 – 11].

Этот просветительско-гуманистический утопизм, связанный с трансляцией смыслов и символов чуждой цивилизации, названной К.-Г. Юнгом «материю драконов, пожравших большую часть земли» и, однако, объявляемой «христианской», а не отошедшей от церковности и притязающей на общепланетарное духовно-колониаторское значение, в «русской идее» Владимира Соловьёва обретает новую редакцию с неизменным рационалистическим абсолютизмом, который ещё А. С. Хомяков весьма удачно в метафизическом отношении называл «таинством рационализма». По Соловьёву вопрос о «смысле существования России во всемирной истории», сообразный с тем, что «Бог думает о ней в вечности», становится предметом следующей гиперсоциологической интерпретации: «Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священ-

ству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа). Русская империя, отъединенная в своём абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесёт в семейство народов мир и благословение. "Не добро быть человеку одному". То же можно сказать и о всякой нации. Девятьсот лет тому назад мы были крещены Святым Владимиром во имя животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего крещения. Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трёх главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чем русская идея. И в том, что эта идея не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи» [5, с. 203 – 204]

Соловьёв, однако, указывая на «некоторое идеальное христианство и идеальную церковь, духовное царство свободного братства и совершенной любви» как «идеал, то есть будущее церкви», пишет о предваряющем развитии подобной экклезиологии «Хомяковым, который положил свой выдающийся талант на популяризацию этих идей, придав им ложную видимость греко-российского православия» [5, с. 199].

Нам же представляется, что в мыслях Соловьёва есть лишь некоторое социологически искажённое и рационалистически редуцированное приближение к тому более глубокому и верному, что скажут о русской идее уже в XX веке, когда русский мир уже существенно полетит в пропасть всемирных метаморфоз, о которых К. Д. Бальмонт скажет, например, так: «Вновь хаос подступил и воцарился в мире».

Вяч. Иванов в работе «О русской идее» в глубинах русской души хочет видеть исклю-

читательное культурное воплощение христианской идеи: «Единственная сила, организующая хаос нашего душевного тела, есть свободное и цельное приятие Христа, как единого всеопределяющего начала нашей духовной и внешней жизни: такова основная мысль всего моего рассуждения...» [5, с. 229] – этот христологический опыт представляется мыслителю-символисту в подлинных пропорциях кенотической метафизики: «В терминах религиозной мысли нисхождение есть действие любви и жертвенное низведение божественного света во мрак низшей сферы, ищущей просветления» [5, с. 236]. При этом он отмечает после проигранной русско-японской войны и на пороге «имяславских споров» бессмысленную растратность собственных российских цивилизационных сил: причём, как физических, так и духовных – в воцаряющемся хаосе конца Нового времени: «Мы не хотели целью ни владычества над океаном, который будет средоточием всех жизненных сил земли, ни смиренного служения Свету в своих пределах; и воевали ни во чьё имя» [5, с. 229].

Написанная ближе к середине XX столетия знаменитая книга Н. А. Бердяева «Русская идея» стала самой крупной в этом жанре и, пожалуй, итоговой, хотя, при несомненной и подкупающей широте, всё-таки не исчерпывающей всех реальных траекторий отечественной мысли. Последнее обстоятельство не позволяет говорить о её энциклопедичности, а подведение итогов бердяевским гением самопознания не закрывает, но «подготавливает» реализацию будущих креативных возможностей осуществления чаемой им гармонической социальной цельности. Обращается к этой проблематике он вплоть до самых последних рощерков своего пера...

Эссе «Россия и новая мировая эпоха» завершает предсмертный бердяевский сборник «На пороге новой эпохи» (Париж, 1947), выпущенный на французском, впоследствии переводимый на шведский, английский, японский, русский языки. Поразительной оказывается диагностика глобальной ситуации, несколько не утратившей своей силы 75 лет спустя: «Россия и мир Запада, Европа и Америка, боятся друг друга и враждуют. Запад одержим двойной боязнью, боязнью коммунизма и боязнью могущества русской империи» [1, с. 310].

Последнее бердяевское сближение реальных западных фобий воспринималось в

эмигрантской среде не только не однозначно, но и весьма болезненно. Приведём, к примеру, цитату из послевоенной статьи И. А. Ильина «Как русские превращаются в советских», где критически указывается на определённый тип в отечественной эмиграции (по отношению к Бердяеву, на наш взгляд, это совершенно несправедливо и весьма поверхностно): «...нередко остаётся в эмиграции, начинает советскую пропаганду, лжёт иностранцам по советской указке, лжёт и по-русски, нарочно смешивает Россию с Советским Союзом, путает все понятия, выдаёт зло за добро и добро за зло, отправляет других на погибель и становится слугою дьявола. Такова была предательская роль Бердяева, который, впрочем, совсем не был одинок».

Дело не только в известном послевоенном тяготении Бердяева к призрачным возможностям позднего сталинизма и его аксиологическом неприятии не менее пронизательным И. А. Ильиным – проблема, пожалуй, в самой западной неспособности воспринимать саму идею возможности исторического будущего России.

Больше того, возникает двойное ощущение: то ли мы снова вернулись во время подведения итогов Второй мировой войны – то ли это глобальное резюме оказалось отсроченным, и впавшее в полувековой сон страждущее человечество медленно пробуждается с мыслями о Шелере и Шпенглере, Ясперсе и Хайдеггере, Геноне и отце Сергии Булгакове, даже Ницше и Хомякове... Их имена – и здесь, и ранее – находят (явно или скрыто) символическое место в бердяевской проблемно-аксиологической группе.

За полвека до Мамлеева Бердяев говорит о «России вечной», и, предвосхищая Тойнби, указывает на «морфологическое сходство» (впрочем, начиная уже с работы «Истоки и смысл русского коммунизма») «Московского Царства» с «Царством Советским». «Русская идея, - по Бердяеву, подчёркнуто следующим здесь за Н. Ф. Фёдоровым, - есть идея целостного преобразования жизни», а «трагедия русской революции» обнаруживается в «её первоначальном антихристианском характере». Катастрофизм эпохи имеет своеобразную смысловую оркестровку предваряющими революциями в новом естествознании: от физики – до психоанализа.

«Трагическая тема» творческой свободы человека, от которой зависит «будущее Рос-

сии», будет только заостряться по мере раскрытия того факта, что «либерализм кончен». В России, согласно Бердяеву, «подготавливается новое христианское сознание», а «обветшавшие и выродившиеся формы христианства будут преодолены» [1, с. 326].

Ценность последней бердяевской мысли здесь, по нашему убеждению, совершенно не риторична, и требует определённой герменевтики. Дело в том, что попытки реформирования христианской эпистемы на исходе времени, названного в истории культуры Новым, имеют двоякий характер: эволюционистско-прогрессистская неомифология с апофеозом ноосферы – либо же углубление эсхатологической перспективы с мистическим раскрытием кардиобездны и отходом от торжествующей рациональности?

Нам представляется, что слово Бердяева – однозначно за последним. Как в прежних своих работах, так и здесь – в этих финалистических росчерках пера – он остаётся последовательным катастрофистом и апокалиптиком, что, однако, нисколько не мешает ему педальировать социальную тематику.

В контексте осмысляемого футурологического россиеведения Бердяев говорит об этом так: «Можно себе представить необычайный рост экономической и политической мощи России и возникновение нового типа цивилизации американского типа, с преобладанием техники и с поглощённостью земными благами, которого не было в прошлом русского народа. Но воля наша должна быть направлена на созидание иного будущего, в котором будет разрешена справедливо социальная проблема, но и обнаружит себя религиозное призвание русского народа и русский народ останется верен своей духовной природе. Будущее зависит от нашей воли, от наших духовных усилий. То же нужно сказать и о будущем всего мира. Роль христианства тут не может не быть огромной» [1, с. 326].

Мы полагаем, что изучение позднего Бердяева даёт вполне адекватный ключ к пониманию логики и аксиологии всего его творчества; но здесь не просто мыслителем подводятся итоги самопознания и высветляются основные вехи пути сквозь крушения жизненных миров [2], но и сказывается нечто наиболее существенное о положении и сути вещей, то есть – о нас самих, остающихся на указанном болевом пороге исторического бытия, как

бы замирающего в своей скоротечности и стремительно обращающегося в миф.

Существенная дионисическая коррекция «русской идеи» была продемонстрирована у Ю. В. Мамлеева на исходе XX века в книге «Россия вечная» – декларируемая фундаментальная неустроенность, связанная с бесконечной метафизической жадью, таит в себе вполне реальные опасности тотальной меонизации и необратимого провала в *Ungrund*, угрожающего со стороны теистических представлений и во многих отношениях непревзойдённому Бердяеву, страстно пытавшемуся добиться совершенной жизни от несовершенного Абсолюта.

Отметим, что русскую идею подстерегают как ноосферные, так и меонические ловушки: между Сциллой и Харибдой надо пройти ей собственную Одиссею – но русская идея и есть некая Одиссея. И главная её проблема в христианскую эпоху состоит в радикальной невозможности сотериологического выбора между Аполлоном и Дионисом – то есть в неоязыческих блужданиях новейших времён.

При всей широте мыслительной клавиатуры и яркости стиливых экспрессий пристального бердяевского внимания не удостоены по ведомству «русской идеи» ни натуралистическое евразийство, ни консервативно-монархический «белый» феноменализм. Однако же мысли хомяковского потомка Л. П. Карсавина о России между Востоком и Западом или соображения против «романо-германского ига», ярко продемонстрированного Н. С. Трубецким, могли бы найти глубокую рифму в заветной бердяевской мысли о России как «огромном Востоко-Западе». Так же и мысли И. А. Ильина о русской идее как «идее сердца», противостоящего односторонности рассечённых «воли» и «разума» в этосе западного мира, могли бы найти в бердяевском наследии множество рифм и мистических созвучий... Но человеческая взаимоприязнь, увы, оказалась сильнее.

Конечно, мы можем сказать, что Иван Ильин, говоря о значении святых апостолов Петра и Иоанна, недооценивает «паулианской» составляющей в русской идее, а именно – духовной элевации как существенной задачи русского мира: вперить ум в Бога! Так и в евразийской идее земное всё же довлеет над метафизикой, разумеется, не отменяя последней...

Более того, архитектура русской идеи свидетельствует о том, что земное начинание, имеющее несомненную метафизическую констелляцию, пока ещё остаётся некоторым котлованом – котловиной недореализованных, недоосмысленных и недопрожитых смыслов... И даже, может быть, именно ей, как, пожалуй, совсем не справедливо сказал когда-то В. В. Розанов о хомяковских построениях, «суждено остаться недостроенным зданием».

Попробуем дать ответ на вопрос – почему? Русская идея возможна в идеациональном пределе и потенциально вероятна в сакральном космосе – но неустойчива в профанном реале мультиисторического времени, сколь угодно эпически растягивающегося и монументально укрупняющегося, однако же сокровенными волшебными колёсами перемалывающего «народы, царства и царей»... В ней переклинивает «этно», сколько бы мы ни говорили о её метафизике. В каком ковчеге понесут на её престол свои сердца мусульмане и буддисты? При всей космологической жажде ей всё ещё недостаёт чаемой символической глубины. Здесь видится главная проблема, которая не решается так уж легко указаниями Достоевского на «всемирность» и «всеотзывчивость», кстати сказать, отнесённые отцом Георгием Флоровским к фатальным и сомнительным дарам. Русская религиозная философия, как доминанта русской философии вообще [6], не является синонимом русской идеи.

Если же всерьёз попытаться ответить на вопрос о том, что ныне нам делать на пути к российскому культурно-цивилизационному и государственному могуществу, то всецело сохраняет актуальность коррекция умственной траектории, идущей от Хомякова: не к Достоевскому и Соловьёву – но к Н. Я. Данилевскому и К. Н. Леонтьеву. Только с этой интеллектуальной прививкой стоило бы погружаться в дебри отечественной метафизики XX века, не исключая её абсолютные софийные вершины в наследии отцов Сергия Булгакова и Павла Флоренского.

Всё сказанное можно обобщить в пяти тезисах:

1. Почвенничество Достоевского не препятствует ему видеть в апофеозе русской идеи синтез всех новых европейских идей; иными

словами, перед нами здесь – пафос секуляризма.

2. Христианский универсализм Соловьёва полностью ставит русскую идею на службу церковному, государственному и общественному единству европейских народов.

3. Вяч. Иванов чаёт раскрытия в сокровенных глубинах русской души небесной идеи христианства и её небывалого культурно-цивилизационного воплощения.

4. Бердяев мыслит русскую идею интегративно, связывая её прежде всего с тотальным социальным преобразованием, но существенная часть важнейших направлений религиозно-философского осмысления остаются вне поля его рефлексии.

5. Недостаток метафизической завершенности в русской идее, который пытались превратить в преимущество, остаётся очевидным в её ризоматической архитектонике – этот факт требует отхода от односторонней пафосности и углублённого освоения маргинализированных леваческим гипертрендом консервативных траекторий [7] отечественной мысли.

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. Россия и новая мировая эпоха // Бердяев Н. А. Истина и Откровение: Прологомены к критике Откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 310 – 326.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: «Наука», 1990. С. 43 – 271.
3. Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: «Наука», 1993. Т. 11. С. 5 – 11.
4. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Метафизика русской идеи // «Русская мысль живёт...»: Сборник философской прозы и поэзии памяти Дарьи Дугиной (Платоновой). Симферополь, 2023. С. 45 – 51.
5. Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: «Республика», 1992.
6. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: «Республика», 1995.
7. Смолин М. Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М.: «Имперская традиция», 2005.

©Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2025